

БОРИСУ МАКСИМОВИЧУ ФИРСОВУ – 80 ЛЕТ

Он хотел стать полезным обществу.

И стал

В постюбилейном – по случаю 75-летия – биографическом интервью Бориса Максимовича Фирсова, опубликованном в «Телескопе» четыре года назад, есть такие слова: «Я вышел из блокадного и военного времени с громадным запасом жизненного оптимизма и желанием стать полезным обществу человеком»¹. Сделанное им в период его до социологической жизни и в течение более четырех десятилетий – в социологии, доказывают, что он стал полезным.

В названном интервью БМ предстает как высокого уровня комсомольский работник, 30-летний секретарь Дзержинского Райкома КПСС, директор Ленинградского телевидения. В 37 лет – аспирант Владимира Ядова и стажер факультета социальной психологии Лондонской школы экономики, один из первых советских исследователей телевизионной аудитории и общественного мнения, к 50 годам – доктор наук, признанный в стране и за рубежом специалист в области функционирования средств массовой коммуникации.

В начале 80-х, когда партийное руководство Ленинграда и дирекция Института социально-экономических проблем АН СССР объявили войну социологам, но еще не разогнали сектор, созданный и руководимый Фирсовым, мы обычно собирались по случаю дней рождения сотрудников, окончания субботников или в преддверии праздников. После нескольких бутербродов и чашек чая, ряда дружеских тостов начинались разговоры за жизнь. Нередко БМ развивал такую тему: «Вот я скоро пойду на пенсию, возможно, дадут персональную... устроюсь вах-

тером в наш институт, буду летом и зимой при входе сидеть в валенках и шапке-ушанке и рассказывать, как “мы брали Зимний”». До пенсии ему было далеко, но в атмосфере общества и в коридорах ИСЭП чувствовалась такая безысходность, такая неустраиваемость, что нечто подобное казалось очень даже вероятным.

Перестройка зарубила ему возможность реализовать эту «задумку», пришло, по выражению Ядова, «время опальных», и знания, воля, лидерские качества БМ оказались востребованными. Сначала – создатель и руководитель филиала Института социологии РАН в Петербурге, потом – основатель и первый ректор Европейского Университета в Санкт-Петербурге.

Интервью заканчивалось на том, что БМ решил оставить ректорский пост и заняться научными исследованиями. После завершения одной из первых в стране монографий по истории современной российской социологии, он в то время задумывал приступить к изучению ментальности советского человека. И это сделано; в 2008 году появилась книга под названием «Разномыслие в СССР»². Это – одновременно социологическое исследование сознания ряда поколений советских людей, описание очевидца и участника многих важнейших событий в послевоенной истории страны и рассказ о прожитом и обдуманном. О книге можно говорить бесконечно³, но одно ясно: такие книги пишутся лишь по итогам полезно прожитых лет...

Этот выпуск исторической рубрики имеет два раздела. Первый – юбилейно-праздничный, второй – рабочий. В первом – БМ поздравляют с его днем рождения трое его друзей. Двух – представлять излишне, их имена в нашем профессиональном мире известны: Владимир Ядов и Андрей Алексеев. Третий, доктор филологических наук, профессор, ректор Европейского Университета в Санкт-Петербурге Николай Вахтин, специалист по антропологии и лингвистике.

К их поздравлениям Бориса Максимовича, их добрым пожеланиям присоединяется редакционный совет «Телескопа», все читатели журнала и, уверен – многие российские социологи.

Второй раздел рубрики – это наша беседа с БМ об одной из мало известных страниц в прошлом советской социологии, проведении опросов общественного мнения работающего населения Ленинграда в 70-х годах. Их руководителем был Фирсов.

Дорогой друг! Здоровье тебе и Гале. Одно из твоих выражений: «Работа проводится». Успехов тебе в ней.

Борис Докторов

Феномен Фирсова

Владимир Ядов

Так случилось, что у меня было очень много аспирантов, поскольку в те годы численность профессоров, которые могли бы по формальным и реальным основаниям стать научным руководителем диссертанта социолога, можно было посчитать по пальцам одной руки. Далеко не все мои аспиранты стали столь уважаемы и признаны в научном сообществе у нас и за пределами страны, как Борис Фирсов.

Природа наградила его множеством талантов: стрем-

1 Б. М. Фирсов: «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №1. С. 2-12. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1202893545365654file.pdf>.

2 Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский дом, 2008.

3 Докторов Б.З., Фирсов Б.М. Правилom является разномыслие // Социологический журнал. 2008, №3. С. 153-174.

лением к знаниям и одновременно – к прекрасному, способностью сосредоточиться на решении проблемы, научной или практической, упорством в решении проблемы всенепременно. Природа наградила его доброй душой, способностью отличать справедливость от обратного, чувством долга перед обществом и перед людьми, с которыми он связан, мужеством в отстаивании своей справедливой позиции. Такой «синдром Фирсова» и может нам позволить понять этот феномен и оценить его по «гамбургскому счету», без натяжек.

Начнем с того, что Борис внес неоценимый вклад в научное исследование телевидения, заложил основы изучения телеаудитории в нашем отечестве (кое что заимствуя из знаний, полученных в период стажировки на Би-Би-Си). Он практически в качестве директора Лентелевидения создал модель нынешнего общения с аудиторией, за что и был изгнан со своего поста. Фирсов, и только он, смог создать главное свое детище – Европейский университет в Петербурге. Никто не верил в возможность осуществления этой сумасшедшей идеи: независимый «прозападный» в смысле современный по мировым стандартам: по содержанию, стратегии, организации обучения университет. Где? В России.

Борис написал две примечательные книги. В одной он впервые излагает историю становления советской социологии в социокультурном контексте того времени. В недавней своей монографии «Разномыслие в СССР» юбиляр сумел описать и главное – объяснить как «собирали себя» представители интеллигенции поколения родителей-фронтовиков. В отличие от отцов, которых автор называет «единственным советским» поколением, мы, так называемые шестидесятники, и вправду собирали себя из вынесенного из пионерии и комсомола, из рассказов о войне, из речей наших цеховских геронтологов и их идеологической обслуги, из «вражеских голосов», из Окуджавы и Галича, Солженицина и Шаламова, из самиздата и «тамиздата». В итоге «собрание себя» результировалось продуктами разного рода. И это объясняет наше нынешнее бытие и в политике, и в социологии, и вообще в жизни.

Наши «биографические траектории» тесно переплелись. Будучи секретарем Обкома комсомола Борис вынудил меня избираться секретарем Василеостровского РК ВЛКСМ. Будучи освобожденным от ответственного партийного поручения руководить Лентелевидением, он пришел ко мне аспирантом. Теперь я с немалой пользой и огромным удовольствием читаю его работы и учусь понимать, в каком обществе мы живем.

Наивысшее жизненное удовлетворение учителя извечно было и остается – гордость своими учениками. Я горжусь дружбой с Борисом, который, в свою очередь, постоянно напоминает, кто был его учителем в профессии.

Старик, давай вспомним прекрасные слова нашей романтической молодости; *Avanti! No passaran!*

Совершенно-летие Бориса Фирсова

Андрей Алексеев

Стало уже традицией, что основатели и первопроектировщики новейшей российской (поначалу – советской) социологии отмечают свой 80-летний юбилей - Книгой. Вспомним последние труды И. С. Кона, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, О. И. Шкаратана. В. А. Ядов к своему юбилею специально новой книги писать не стал, так и тут «не обошлось»: «Vivat, Ядов!» - коллективная монография коллег. Так что, каждый по-своему.

И даже там, где отсутствуют автобиографические сюжеты и ауторефлексивные мотивы – это книги не только общезначимые и итоговые, но и глубоко личные. Из них, между прочим, явствует, что «акме» может

быть константой - психологической и творческой. Кстати, более или менее совпало с 50-летием нашей социологии (им тогда под 30 было). Только не парадные у наших «стариков» самоотчеты. Не то, что «юбилейный банкет» в здании Президиума РАН на Ленинском пр., 32а в прошлом году.

В этот почетный ряд выдающихся юбиляров пришла пора вступить и Б. М. Фирсову, который для автора этих строк – и Друг, и Коллега, и Со-участник (ну, еще, к тому же, и директором был, и почетным ректором остался). И ведь – тоже книга-отчет и прорыв, причем ухитрился так издать, чтобы все прочитали успели к юбилею, и даже научную конференцию про «Разномыслие в СССР и России» провести – причем НЕ юбилейную! Никто там специально Бориса Максимовича не чувствовал, а ведь она-то и была бенефисом (в апреле, с упреждением к июню).

Зато без «разномыслия» фирсовского теперь уже никак не обойтись социологу. Пошло словечко, термин, понятие – гулять по свету, равно – в научных и просто интеллигентских кругах. И станет – верю! – общесоциологической категорией.

Мне выпала честь писать на эту книгу издательскую рецензию. Потом «Социологический журнал» ее опубликовал (2008, № 2). Понятно, аудитории «Телескопа» и «СЖ» пересекаются. Но уж не настолько, чтобы мне не захотелось повторить сказанное однажды и (для меня) «навсегда».

«...В чем я вижу принципиальное новаторство (теперь любят говорить – инновационность) этой работы?»⁴

Во-первых, в совершенно особом месте ее автора в истории новейшей российской социологии. Здесь идет в расчет и собственно научный, и организационный, и общекультурный личный вклад. Интеграция этих разнообразных вкладов находит яркое выражение в настоящем *opus magnum* автора, и эта интеграция уникальна.

Во-вторых, не имеет, мне кажется, прецедентов «равноправное» соединение в одном труде теоретического и исторического (объективного) исследования структуры

4 Б. М. Фирсов. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. История, теория и практика. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский дом, 2008.

и динамики советского менталитета, с одной стороны, с персоналистской (субъективной) жизненной ретроспективной — с другой. Можно сказать и так: здесь представлены широкая историческая панорама и конкретный «случай Б. Ф.» в динамике — одно «на фоне» другого.

В-третьих, это отважная попытка обобщения отечественных и русскоязычных зарубежных исследований феномена «человека советского» от момента его (этого феномена) зарождения до его «зрелого» состояния. Притом, что это обобщение — именно социологическое (в принципе возможны и исторический, и культурологический, и психологический и иные ракурсы подобного обобщения). Эту книгу отличает своего рода энциклопедизм. Автор широко использует архивные, мемуарные, аналитические, литературные материалы. Так и хочется сказать: «И это все о нем (человеке советском)».

В-четвертых, — говоря уже собственно о содержании — книга предьявляет последовательное и убедительное опровержение вульгарных представлений о ментальной однородности советского общества, будь то в просоветских («морально-политическое единство...») или постсоветских («все — совки!»...) версиях.

Выдвинутое автором понятие «разномыслие» позволяет хорошо понять все разнообразие факторов, проявлений и последствий этой ментальной неоднородности, в сущности, спасшей наше общество от полного окостенения и воплощения в жизнь антиутопий Замятина или Оруэлла.

В-пятых, очень существенно последовательное и во многом оригинальное проведение поколенческого (когортного) подхода. «Разномыслие» — это не только разнообразие ментальностей в рамках одного поколения, но и существенные различия между поколениями («отцов» и «детей», «дедов» и «внуков») в советском обществе. В известном смысле главным героем книги является поколение «шестидесятников», к которому автор сам принадлежит.

В-шестых — это просто увлекательная книга. Притом, что читать ее «в один присест» не хочется. Это — серьезное чтение и увлекательность здесь не сюжетная, а интеллектуальная.

Даже для ровесников здесь обнаруживаются открытия, как фактологические, так и концептуальные. Что уж говорить о молодежи, не успевшей «застать» не только 1940-1960-е, но и 1970-е, в сознательном возрасте.

Композиция книги и свободна, и строга. Последовательность глав подчиняется хронологической (исторической) логике. Внутренняя же структура глав изобилует иногда ассоциативными переходами от истории к теории и от теории к «практикам», со свободным парением между этими тремя полюсами.

Автобиографические мотивы то проникают в ткань объективного повествования, то сосредотачиваются в специальных разделах «Автор свидетельствует». И там и тут эти мотивы органичны. Надо сказать, что автор не щадит себя, мера его самокритичности весьма высока. <...>. Говоря коротко: автор интеллектуально честен. И это обеспечивает и доверие к нему читателя.

<...> Позволю себе небольшое отступление от обобщения книги как таковой в пользу интерпретации известных карьерных «взлетов» и «падений» автора. Уже не помню, кто первый (в 1970-х гг.) сказал: «Фирсов стал бы секретарем ЦК (КПСС), кабы не был так умен» (почти фольклор!).

Тут хорошая двусмысленность: «слишком умен, чтобы к этому стремиться» или «слишком умен, чтобы ему это предложили». Думаю, справедливы оба истолкования. При всей идеологической «зашоренности» первого послевоенного поколения (тех, кто вступил в сознательную жизнь во второй половине 1940-х), при всей со-

циальной «послушности» того слоя, к которому он стал принадлежать, Б. Ф. был, конечно, на этих постах (секретарь обкома ВЛКСМ, секретарь райкома КПСС, директор ЛенТВ) белой вороной. И слава Богу, что пройдя все номенклатурные искусства, он в конце 1960-х сумел уйти в науку (где, впрочем, своих искусств хватало).

Весь позитивный и негативный идейный, культурный и организационный опыт оказался при этом пущен в дело. Человек сумел прожить несколько «разных» жизней, оставаясь при этом самим собой и самореализуясь по максимуму как в каждой из них, так и в целом.

Сам автор своим тогдашним (1950-1960-е) «мирочувствием» (словечко Б. Ф.), сознанием и поведением являет собой яркий пример того, разумеется, урезанного (временем, обстоятельствами...), тут — какое слово употребить? ...Не «инакомыслия» (это слово занято совсем другим социальным типом), но — ИНО-мыслия, РОЗНО-мыслия, ВОЛЬНО-думства, свободо-мыслия, нон-конформизма, анти-догматизма, внутренней не-зависимости, САМОстояния (словечко А. С. Пушкина), инако-действия <...>. В идеологическом плане это, пожалуй, объемлется (в ту пору чуть ли не бранным...) словом «либерализм» (поэтому даже внутренне люди этого типа себя так, как правило, не обозначали). Но нам здесь важно усмотреть нравственную и — шире — мироотношенческую позицию...».

Получается, что мне тут и добавить нечего. Кроме слов дружбы и благодарности — за многие годы сотрудничества, со-гласия, со-авторства, со-ратничества, со-ревнования (вот поставишь дефис, и словечко-то обретает новый смысл). Поздравляю Тебя, дорогой Борис, с совершенно-летием!

Фирсов forever!

Николай Вахтин

В моей жизни Борис Максимович Фирсов был всегда. Когда они с моим отцом познакомились (в результате памятной многим телепередачи «Литературный вторник», которую вел мой отец и после которой БМ перестал быть директором ленинградского телевидения), я был еще слишком молод, чтобы рассчитывать на приглашение разделить упомянутые в мемуарах БМ сковородку котлет и бутылку «Столичной», но уже достаточно сознательн, чтобы понять, что в моей жизни появилось нечто неординарное. Помню подростковую радость, когда я узнавал, что вечером «придут Фирсовы» — это значило, что за ужином будет интересно и весело, что я снова буду умирать от с трудом сдерживаемого смеха, слушая попеременно байки то в исполнении БМ, то в исполнении отца. И главное, за столом будет царить столь приятная мне тогда — как и сейчас — атмосфера радости, взаимной симпатии и уважения.

Это, конечно, не значит, что отец и БМ во всем соглашались. Они вообще, как я теперь задним числом понимаю, были интересной парой: практически одногодки, у обоих отцы арестованы и убиты сталинским режимом, оба безукоризненно порядочны и честны, оба — прирожденные лидеры, оба обаятельны и остроумны, и при этом их мировоззрения, политические позиции и пристрастия поначалу были почти полярны. Отец — убежденный противник большевизма, при этом скорее кадет, чем монархист, человек глубоко верующий, хотя и никогда почти не говоривший на эти темы; БМ — член КПСС, бывший секретарь райкома, партийная номенклатура, откровенный атеист... О чем они говорили, когда меня отсылали спать? Наверное, страшно кричали и ругались.

Как мне теперь кажется, оба оказали друг на друга заметное влияние. БМ под влиянием отца начал, наверное, ставить под сомнения некоторые догмы, до того казавшиеся незыблемыми. Отец открыл для себя, что и по

другую сторону баррикад есть, оказывается, порядочные, честные люди, искренне желающие процветания своей стране – мысль для интеллигента в то время непривыч-

ная. Не думаю, что без этого знакомства БМ несколькими годами позже пошел бы на открытый конфликт с ленинградским обкомом из-за научно-исследовательского проекта по изучению общественного мнения. Не думаю, что без этого знакомства отец несколькими годами позже написал бы «Дублинку», опубликованную в свое время в скандально известном «Метрополе».

После смерти отца мы регулярно виделись с БМ, но близко не общались – сказала, видимо, разница в возрасте и специальностях. Но после того, как его в очередной раз выгнали с работы по политическим мотивам и он оказался сотрудником Института этнографии, наши пути снова пересеклись. На этот раз – на Колыме.

Нет, это не то, что вы подумали. Я тогда носился с идеей возрождения совместных лингвистических и этнографических экспедиций на Север и собирал команду; собрал двух лингвистов и трех этнографов. Одним из этнографов вызвался быть БМ.

Быть начальником Фирсова, да еще в полевых условиях – это, я вам доложу, особая задача. Вся эта история заслуживает отдельного и подробного рассказа, скажу только, что вернулись мы оттуда друзьями. Я, конечно, не сравнился с БМ ни по возрасту, ни по статусу и опыту, но он, как мне кажется, меня признал.

Когда в январе 1993 года он пригласил меня войти в состав Оргкомитета по созданию Европейского университета, я не колебался ни минуты. Затея показалась интересной, работать вместе с БМ мне понравилось, и кроме того, я знал, что если он за что-то берется, то обычно добивается результата. И мы ввязались. Это тоже отдельная история, вполне тянущая на книгу – «Как десяток городских сумасшедших университет создавали», когда-нибудь кто-нибудь ее напишет. Мы, повторяю, ввязались бесстрашно и без колебаний. Колебания и страхи пришли позже, когда я вдруг осознал, что это «всерьез и надолго», что из приятных разговоров и безответственных планов постепенно вырастает абсолютно реальное учебное заведение, профессора и студенты которого относятся к нашей затее совершенно всерьез и совершенно всерьез связывают с ней свои жизни, интересы и устремления. Вот тут мне сделалось страшно – но было уже поздно: рядом со мной был БМ, поглядывавший на меня слегка иронически, своим мальчишеским немного хулиганским «дворовым» взглядом: слабо? сдюжишь? или сдрейфишь? Надеюсь, что не сдрейфил.

Так получилось, что знакомство с БМ в значительной степени определило мою жизнь, в особенности в последние 15 лет. Он был всегда, он есть в моей жизни сегодня, и я знаю, что он будет в моей жизни всегда.

Дорогой БМ, многия лета!